

Алиса ФРЕЙНДЛИХ:

Я УЖЕ ДАВНО «ИСКОПАЕМОЕ»

Елена РОДИОНОВА

■ Накануне 8 Марта лучшая актриса современности рассказала о своей яркой жизни и незабываемом творчестве.

Год назад народная артистка отметила 90-летие и окончательно вышла на пенсию. Но недавно все же согласилась на встречу в Театральной гостиной театра имени Ленсовета. Поклонники вместе с журналистом «СВ» завалили кумира вопросами: почему ушла со сцены, сложно ли добиться успеха и как вообще она решила стать актрисой. У Алисы Бруновны потрясающее чувство юмора, поэтому смех не смолкал.

УСПЕХ - ЭТО СТИМУЛ

- Что вообще за профессия - артист?

- Кошмарная профессия! Это профессия и призвание в то же время. Но ни одно дарование никогда не открывалось без труда. Так что тут совмещение, так сказать, Божьей милости плюс невероятного труда, а если этого нет, то Бог отбирает дарование.

- А что такое успех?

- Что такое успех... Успех - это стимул. Каждый следующий раз - не меньше, чем соответствовать предыдущему в смысле качества. Присутствие здесь, сегодня, сейчас. Я всегда была добросовестным человеком. И даже если у меня не очень хорошо со здоровьем или настроением, я не имею права дать закачаться планке, которую мы себе ставим. Мне кажется, это будет очень стыдно. Вот и все. Совесть.

- Какая ваша личная тема в искусстве?

- Какая тема... Могу только сказать: когда-то писали, что есть такая тема - это тема гадкого утенка, который превращается в лебедя. Это не мной сочинено, это критики написали так о каком-то спектакле, и каждый раз почему-то возникала такая ассоциация. Я уже давно никто, я «ископаемое»! (Смех, аплодисменты, крики «мы вас любим!».)

«МНЕ ЭТУ ДЕВОЧКУ, ПОЖАЛУЙСТА»

- Как стали актрисой?

- Папа и мама были актерами, работали в Ленинградском театре рабочей молодежи - ТРАМ, там познакомились, там и затеяли меня. Тетушка моя, мамин сестра, оканчивала консерваторию, мы все время музицировали. Вторая тетя, младшая папина сестра, тоже была творчески одержимая, все рисовала. Жили мы в большой коммунальной квартире, делили большую комнату на несколько «пеналов», чтобы у каждого был свой угол. У нас был рояль, я забиралась под него и устраивала себе музыкальные вечера.

В три-четыре года меня брали на дипломные спектакли, потому что не с кем было оставить. А это были ни больше ни меньше как «Евгений Онегин» и «Корневицкие колокола».

Потом я выходила во двор, это было еще до войны, и распевала «Плыви, мой челн, по воле волн...», это был мой коронный номер. Так что я была артисткой уже во дворе, среди наших полениц (смеется). Опробовала прелесть аплодисментов уже в детстве. Атмосфера театра царила в доме, этим нельзя было не заразиться.

- Еще маленькой занимались в театральной студии.

- А еще до этого я театральные декорации выстраивала: нарисовала кукольный театр, вырезала из бумаги фигурки. В школу я пошла, когда мне было восемь лет. Это была вторая блокадная зима. В классе холодно. Учились в пальто, в рукавичках. Тетрадок, бумаги не было. Чтобы учиться писать, использовали белые поля старых газет. А потом у нас в школе завелся кружок, вела его Мария Александровна Призван-Соколова, актриса Большого драматического театра, мы сами ставили декорации, сами варганили костюмы, делали этюды, потом целые спектакли. Театр начался еще в школе.

- Учились у знаменитого педагога Бориса Зона...

- До нашего курса у него закончили Эмма Попова, Зинаида Шарко, Александр Белинский, Аркадий Кацман, Лев Абрамович (Додин. - Ред.). Целый букет замечательных актеров и режиссеров. И он набирал новый курс как раз когда я закончила школу, в 1953 году, господи, какая давность. Я с Марией Александровной подготовила прозу - диалог двух дам из «Мертвых душ», какие-то стишки. И что-то очень залихватски пела. И вдруг оказалось, что в комиссии сидит педагог из ГИТИСа, который набирал курс оперетты. И он говорит: «Мне эту девочку, пожалуйста». Я бросилась чуть ли не на колени перед Зонам и со слезами стала просить не отдавать меня!

- Ну вы же и правда хорошо пели, могли с т а т ь певицей.

- Голос был действительно непло-

Королева образа и в жизни, и на сцене.

«ДУМАЛИ - НЕНАДОЛГО»

■ Бабушка хлеб выдавала по часам.

- Как вы пережили блокаду?

- Было лето. Все думали, что война - это ненадолго. А потом пришла зима, очень суровая, безумно холодная и голодная. Очень тяжело выживали.

Я помню, как меняли вещи

на продукты. Моя бабушка была потрясающей хозяйкой, у нее всегда были в запасе какие-то специи, и она устраивала нам праздники: простой кипяточек - и щепотка лимонной кислоты или гвоздичка. Даже сода, тогда получалась шипучка. А хлеб выдавался по часам. И я помню этот замороженный взгляд на часы, когда большая

стрелка будет там, а маленькая - там, и тогда бабушка откромкает шкафчик, даст кусочек дневной порции хлеба...

Тогда в школу принимали с восьми лет, у меня день рождения в декабре. И маме вдруг отказались выдавать детскую карточку на хлеб. Это случилось уже во вторую блокадную зиму. И я в январе пошла в школу. Незнакомые

мне ребята. Помню это жуткое одиночество...

Весной стало немного легче. Потеплело. Чуть-чуть прибавили хлеба. Все газоны - в Александровском саду, сквере Исаакиевской площади - были засажены огородами, везде были посажены морковь, картошка. Конечно, мы, шпана, воровали немножко. Но там ходил человек в ватнике с ружьем - не очень-то поворуешь.

Гавриил ГРИГОРОВ/ТАСС

«Эта маленькая женщина пронесла свой великий талант через всю жизнь и не изменила ему», - сказал Никита Михалков, вручая награду за вклад в российский кинематограф. «Мой вклад в кино значительно меньше, чем вклад кино в мою судьбу», - ответила актриса.

хвой. Вышел фильм «Два бойца» (в 1943 году. - Ред.), боже, какой был восторг! Я мыла полы в нашей коммунальной квартире, чтобы заработать денежку на кино. Подсчитала: 42 раза его посмотрела. Мы, школьники, делали концерты для раненых, и вот в госпитале я пела «Темную ночь», «Шаланды, полные кефали». Со слезами! Такая эмоция!

В общем, опыт уже был, маленький, детский. Я чувствовала себя артисткой.

- Чему научил вас Борис Зон?

- Зон стажировался у Станиславского, был абсолютным приверженцем его системы и учил нас именно по ней.

Я всегда вспоминала уроки Бориса

Вульфовича. Все, что было преподано, это - всю жизнь внимать, смотреть, запоминать и складывать в «бункер», вещевой мешок за плечами. Все пригодится, и все когда-то будет оттуда исторгнуто. Понимаете, когда актер много думает над ролью, когда мысли уже зашкаливают, уверяю вас, из Вселенной обязательно поступит какой-то звонок, какая-то подсказка. То, что мы называем вдохновением, озарением, как хотите. Но для этого нужно очень и очень зашкалить мысли на деле.

- Система Станиславского - ваш бог?

- Я продолжаю следовать ей. Сейчас, правда, я никакой системе не слеую - считаю, что надо вовремя ретироваться, потому что инвалид на сцене - за это надо отдельно приплачивать! (Смех.)

- Считаете ли актерскую профессию миссией или это просто ремесло?

- Хорошо, если есть ремесло. А еще лучше - если есть профессия. А если есть еще и миссия, то это вообще превосходно. Мне кажется, есть какая-то миссия, зрители за чем-то приходят в театр - за эмоциями, за каким-то выводом для себя.

«ВЫТАСКИВАЛ ИЗ МЕНЯ ДЕТСКОЕ»

- Как после института попали в театр Комиссаржевской?

- Второй педагог на курсе Борис Зона, Владислав Андрушкевич, стал там главным режиссером и сразу взял несколько человек с нашего курса. Сначала я играла в театре девочек и мальчишек. Надо

Алексей ДРУЖИНИН/ТАСС